

Антон Иванов ◉ Анна Устинова

Рыцарь МОСКОВСКОЙ принцессы

волшебный
ПОРТАЛ

Волшебный портал

АНТОН ИВАНОВ

Рыцарь московской принцессы

«АНТОН ИВАНОВ, АННА УСТИНОВА»

2009

Иванов А. Д.

Рыцарь московской принцессы / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2009 — (Волшебный портал)

Представь: привычный для тебя мир - не единственный! Где-то рядом есть иная реальность, лишь немногим отличающаяся от нашей. Там ждут друзья, которым нужна помощь, но ты не знаешь, как к ним попасть... Егор Орлов, обыкновенный московский школьник, должен решить непростую задачу - ведь его подруге, принцессе Зое, грозит смертельная опасность. Чтобы спасти ее от невидимых и неуловимых врагов, мальчик готов отыскать путь в параллельный мир, вместе с Зоей совершить побег из таинственной Башни, пройти через мистический зеркальный лабиринт, тайно проехать полстраны и спрятаться почти на краю света. Но будет ли этого достаточно? Ведь клубок заговора все теснее опутывает юную наследницу престола России и Киндии...

© Иванов А. Д., 2009

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2009

Содержание

Глава I	5
Глава II	16
Глава III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Антон Иванов, Анна Устинова

Рыцарь московской принцессы

Повесть

Глава I

Егору опять приснилось, будто он в Башне. Вернее, в одном из червячных ходов, которыми испещрены стены этого огромного многоэтажного здания. Белка бежала впереди, за ней – Зоя. Егор, напрягая последние силы, пытался нагнать их, но тщетно. Они уже едва виднелись вдали.

– Погодите! Я не могу так быстро! – кричал он им.

Они его словно не слышали. Расстояние между ними и Егором неуклонно увеличивалось. Червячный ход стал сужаться. Кулаки мальчика стучались о клетчатые стены. Резкий и пронзительный звук сбил его с ног. Егор упал и проснулся, обнаружив себя на полу возле собственной кровати. На полочке у изголовья надрылся будильник.

Потирая ушибленное плечо, он встал на ватные со сна ноги и ударил ладонью по кнопке. Будильник заткнулся. В комнате появилась мама.

– Проснулся, сынок? Ну, молодец. А почему руку трешь? – Она с тревогой смотрела на сына. – Во сне отлежал?

Егор ответил невразумительным мычанием. Врать не хотелось, но и признаться, что свалился с кровати, нельзя. Мать сразу решит, будто он стукнулся головой, и начнет волноваться. Головой-то ему ударяться нельзя. Полгода только прошло после операции. Зрение полностью восстановилось. Вернее, стало гораздо лучше, чем когда-либо. Теперь оно у него совершенно нормальное, даже очки не надо носить. Видел Егор очень плохо с рождения, а потом и вообще ослеп. Спасла его лишь уникальная операция, которую сделал ему чудо-врач с Алтая Кирилл Георгиевич.

Теперь Егору следует быть очень осторожным. Категорически нельзя падать, стучаться головой, играть в мяч, кататься на велосипеде и на коньках. Короче, много чего интересного делать ему не рекомендуется. Зато он видит. И если еще немного набраться терпения, потом сможет делать многое из того, что ему сейчас совершенно нельзя. Терпеть он, в общем, готов. Только бы мама перестала так волноваться и не следила бы за каждым его шагом.

Стоит споткнуться, она его мигом подхватывает, будто он маленький и ходить еще как следует не научился! Первое время вообще в школу и из школы водила за руку! Стыдно Егору было ужасно. Не в первом ведь классе учится, а в седьмом. Сколько ему пришлось убеждать: «Сам дойду, да и Коржик рядом». Но нет: мама упорно продолжала свои проводы-встречи. Сдалась только после зимних каникул. И лишь из-за того, что вышла на работу. Ладно, хоть эта попытка теперь позади.

Еще раз потеряв плечо, Егор отправился умываться. Белка и Зоя не выходили у него из головы. Они являлись ему не только во сне. Он вспоминал о них и наяву. Например, когда мама принималась колоть для него грецкие орехи. Егор их терпеть не мог и ел лишь в качестве лекарства, чтобы не расстраивать маму. Зато он помнил, как обожала их Белка. Окажись она рядом, с удовольствием скормил бы ей тайком морщинистые ядрышки! Замечательный вариант. Главное, все остались бы по-своему счастливы. Но Белка далеко, в другом мире. И Зоя тоже.

В школе на переменах Егору часто казалось, будто она мелькнула в толпе. Однажды он до такой степени явственно разглядел ее черную челку и насмешливый взгляд, что, расталкивая

ничего не понимающих ребят, бросился догонять. Это ему удалось, но не принесло ничего, кроме разочарования. Девчонка оказалась совсем другой. Просто подстрижена под пажа, как Зоя. В остальном же – ничего общего: длинная, тощая и нос картошкой.

При виде оторопело уставившегося на нее Егора девчонка фыркнула, покрутила пальцем у виска и, презрительно бросив ему: «Дурак», – удалилась. Могла бы и не стараться. Дурак – еще мягко сказано. Он ведь прекрасно знал: Зои здесь нет и не может быть. Она – в другом мире. Там, где Егор пережил с ней и Белкой столько приключений. . .

Он помнил все. Но время шло, и воспоминания словно подернулись дымкой. Теперь он уже сам не понимал, случилось ли это в действительности или он видел длинный чудесный сон. Загадка мучила, не давала покоя. Даже с верным другом Коржиковым не обсудишь. Егор рассказал ему о своих приключениях тотчас же по возвращении с Алтая в Москву, но рассказал именно как о потрясающем сне, который увидел под наркозом во время операции. В то, что Егора действительно перенесло в параллельный мир, Никифор бы не поверил.

Коржик сном восхитился и обзавидовался:

– Везет тебе, Граф! Целое кино! Или как в компьютерной игре побывал. Другой мир! Башня-небоскреб! Тайные ходы! Маг! Короли и принцесса. . .

– Вообще-то там королей не было, – уточнил Егор.

– Ну, Верховные Правители, – отмахнулся друг. – Какая разница! Трон у них был – значит, короли или цари. А как они себя называют, без разницы. Белка говорящая! Погони и схватки! А мне сны такие скучные снятся. Короткие и бессвязные. Ну, в школе, например, к доске вызывают, а я ни в зуб ногой. Главное, помню, что ведь учил, а ответить не получается. А потом просыпаюсь. Или на даче с матерью картошку сажаем, а там вдруг крапивы полно вырастает, и я почему-то в этом виноват. Или. . . – Он безнадежно махнул рукой. – Нет, это точно на тебя общий наркоз подействовал. До этого-то тебе, по-моему, никогда так интересно не спалось.

– Никогда, – подтвердил Егор.

– Говорю же, общий наркоз, – продолжил Никифор. – Хотя вообще-то считается, что от него человек вылетает в полную бессознанку и вообще ничего не видит. Но у тебя, наверное, как говорит моя мать, неспецифическая реакция. Э-эх, – с тоской протянул он. – А мне всего один раз наркоз давали, да и то местный. Когда аппендикс удаляли. Под местным разве заснешь. Он действует ведь не на голову, а ровно на то место, которое оперируют. Да и то я кое-что чувствовал. Вообще-то я тоже хотел под общим, но мать решила, что местный полезней для моего здоровья. Пришлось терпеть. И никаких приключений. Ни тебе параллельной Москвы, вообще ничего, кроме дурацких шуточек хирурга. Они во время моей операции столько болтали! Я боялся, они во мне что-нибудь забудут.

– Ты, Коржик, скажешь, – усмехнулся Егор. – Что они, интересно, могли в тебе забыть? Аппендикс твой?

– Зря смеешься, – надулся Никифор. – Что угодно, между прочим, могли забыть. Зажим, салфетку. Это у них, к твоему сведению, почти норма. Один хирург в полости пациента очки потерял. Они у него с носа свалились, он не заметил, так и зашили. Только на рентгене и обнаружилось.

– Сказки, – не поверил Егор.

– Слушай, Граф, кто из вас врач, моя мать или ты? – еще сильнее разобиделся друг. – Наверное, она лучше знает. Сама рассказывала.

– Тебе? – удивился Егор.

– Нет, подругам, – внес ясность Коржиков. – Да какая разница. Главное, что очки сперва потеряли, потом нашли, пациент жив остался, а хирург выговор заработал. Сам удивился, узнав, где очки обнаружились. В общем, с наркозом мне абсолютно не повезло.

Сон Егора совершенно зачаровал Никифора, и он выпрашивал все новые подробности. Егор охотно рассказывал. Хоть так удавалось поговорить о Зое и Белке. Наверное, в конце концов он и сам бы поверил в версию сна, если бы не орех, подаренный Белкой. Грецкий. Тяжеленький и всегда тепловатый на ощупь, даже в мороз на улице, с морщинистой металлической скорлупой. Егор никогда с ним не расставался и часто подолгу держал его в руке. Однажды он попытался его расколоть. Зачем, и сам не знал. Кольнуло что-то, взял молоток и со всей силы ударил. От удара молоток вырвался из рук и отлетел в угол, орех же подпрыгнул, ослепительно сверкнул металлическим боком, укатился под диван, а мальчик потом не сразу его отыскал. На молотке осталась глубокая вмятина с извилистыми бороздками, точь-в-точь повторяющими рисунок скорлупы. Вот вам и орех! А раз существует он, значит, где-то существуют и Белка и Зоя. Может, и очень далеко, но они есть. И никакой наркоз тут ни при чем. Ни общий, ни местный.

Книжка стала новым подтверждением того, что его приключения происходили на самом деле.

Они с Коржиком шли в школу. По привычному маршруту. Мимо ночного магазина. У последней витрины Егор вдруг замер как вкопанный. Сперва он и сам не понял, что именно заставило его остановиться. Витрина была оформлена привычно пестро. Десятка полтора книг – от малышей до подростковых, а между ними куклы-фигуры, изображающие известных литературных героев – от доктора Айболита до Робинзона Крузо. Так сказать, давно знакомые Егору лица. В самом центре витрины красовалась еще одна, тоже знакомая ему книга. Только как раз ее-то здесь никак быть не могло. «Звездные сестры» – гласили золотые буквы обложки. Несколько томиков с тем же названием ему давала почитать Зоя. Он мог поклясться чем угодно, что это было именно так. Те же две атлетичные блондинки в хитонах, изображенные под заглавием. Может, и не совсем точно те же, но очень похожи.

– Чего застыл? – вывел его из оцепенения Коржик. – Новенькое что-то увидел?

– Не совсем, – пробормотал Егор.

– А-а, «Звездные сестры»! – уловил направление его взгляда Никифор. – Забойная, между прочим, вещь. Можно сказать, блокбастер. У меня есть! Даже с автографом.

– Откуда? – уставился на него Егор.

– Долгая история, – уклончиво отозвался Коржик. – Короче, автор лично мне подписал.

– Врешь! – воскликнул Егор.

– Не вру, – с достоинством возразил Никифор. – Хочешь, завтра в школу притащу. Или после уроков ко мне зайдем, и сам увидишь.

– Что же ты раньше молчал! – напустился на него друг.

– А я не знал, что ты фанат, – парировал Коржик. – И вообще... – Он замялся. – Это немножко тайна.

«Коржик тоже ходил в тот мир», – возникла догадка у Егора.

– Рассказывай. – Склонившись к другу, уступавшему ему в росте на добрых полголовы, Егор крепко схватил его за плечо. – Знаешь ведь, я никогда не выдам.

– Да это не совсем мой секрет, – продолжал мяться тот. – Мать мне по шее даст, если узнает, что я растрепался.

– При чем тут твоя мать?

Егор уже окончательно ничего не понимал. Неужто Коржик перемещался в другой мир вместе с матерью?

– Да говорю же: это ее секрет, – продолжал скрытничать друг.

– Она туда ходит? И книжки там пишет? – выпалил Егор.

Никифор расхохотался:

– Моя мать? Книжки? Она, кроме историй болезни, никогда ничего не писала.

– То есть она их только оттуда приносит?

Коржик оторопел:

– Как ты догадался?

– Потому что сам видел.

– Что ты мог видеть? Как ты туда проник? – окончательно оказался сбит с толку Никифор. – В тот корпус просто так ведь не попадешь.

– В какой еще корпус? – Егор уже было решил, что Коржик и его мама таким образом называют другой мир, однако в следующий момент друг произнес:

– В психушный, естественно. Где мать работает.

– Ничего не понимаю, – схватился за голову Егор.

– Тут и понимать нечего, – откликнулся Коржик. – Ты разве не знаешь, что моя мать работает в психиатрическом отделении?

– Это-то я знаю, – кивнул Егор. – Только при чем тут...

– Ладно уж, расскажу, – сдался Никифор. – Только поклянись, что никому...

– Клянусь Колодцем, – вырвалось у Егора.

– Хорош издеваться, – оскорбленно пробормотал Никифор. – Не хочешь, вообще не стану рассказывать.

– Да клянусь я, пожалуйста, чем угодно! – на одном дыхании выпалил Егор.

– Ладно, сам знаю, что ты не трепло, – сменил гнев на милость Никифор.

Взгляд его случайно упал на табло электронных часов, висевших на здании книжного магазина.

– Граф, мы опаздываем! – возопил он. – Две минуты до начала уроков! Великие дела не терпят отлагательств! Бежим!

Они припустились по улице и едва успели беспрепятственно проскочить мимо дежурных, бдительно отмечавших все опоздания. Пришлось с нетерпением дожидаться перемены. Математика прошла как в тумане. Голос учительницы плыл по классу, плавно огибая сознание Егора. К концу урока он с удивлением обнаружил в своей раскрытой тетради не решение задачи, а тщательно вырисованный портрет Белки. Ехидно косясь на него, она с азартом вгрызалась в грецкий орех. Вышло очень похоже. Егор невольно подумал, что самой Белке наверняка понравилось бы. Одна беда: он совершенно не помнил, как ее рисовал. Хорошо еще, никто не заметил!

Захлопнув тетрадь, Егор подал знак Никифору. Пойдем, мол, выйдем. А потом еще пришлось напоминать ему про обещание.

– Ах, ты про это. Ладно. Сейчас расскажу. Так вот. Мать у меня сам знаешь где трудится.

– Ну.

– В общем, с полгода назад доставили им мужика одного. Сам по себе совершенно обычный. Ничем не примечательный, кроме одного: ни фига не помнил.

– Про что не помнил? – не понял Егор.

– Да вообще ни про что. Ни как звать, ни откуда он. Полный аут. Подобрали его на улице. Сперва в милицию отвели личность устанавливать. А как установишь: у мужика ни документов, ни памяти. Сперва думали – притворяется, потому что молчал все время. Потом решили, что он немой или глухой, а может, и то и другое вместе. Только как раз с этим у него все в порядке оказалось. А вот память как переехало. Короче, его к матери в отделение и определили. Для лечения, сам понимаешь.

– И вылечили? – поинтересовался Егор.

– Не-а, – мотнул головой лучший друг.

Все это было, конечно, интересно, только...

– А при чем тут книжка? – спросил Егор.

– Так я ведь еще не все рассказал. Мужик и в больнице молчал постоянно. Но все свободное время сидел и писал.

– Книжку? – вновь перебил Егор.

– погоди! – возмутился Никифор. – Не даешь спокойно рассказывать по порядку. В той же палате еще один старичок лежал. У него память еще не совсем преклинило, но процесс уже потихоньку пошел. А потом у него сердце прихватило.

Егор уже совсем запутался. Мужик, старичок, сердце... Как это связано с тем, что мать Коржика бывала в другом мире? Однако поторапливать Никифора было бесполезно. Уж если начал издали, не успокоится, пока не изложит все по порядку. И, взяв себя в руки, Егор продолжал терпеливо слушать.

– Короче, у деда конкретный сердечный приступ, а он забыл, как называется то, что у него болит. А если бы даже и не забыл, без разницы. Никого из медперсонала рядом. Они тогда кем-то другим занимались. Дедулька упал и стонет. А другие больные тупо глазеют. Видимо, тоже забыли. И вдруг тот самый мужик без памяти, кинув на деда всего один взгляд, начинает его откачивать. Ну, там искусственное дыхание и все дела. И еще кого-то отправил за медсестрой. Она прибежала, и тут мужик начал командовать, какое лекарство в какую часть деда колоть. Сестра с перепугу послушалась.

– И дед в результате помер? – полюбопытствовал Егор.

– В том-то и дело, что, наоборот, выжил, – внес ясность Коржик. – Мать говорит, что мужик действовал очень грамотно.

– Ну и к чему все это? – разочарованно осведомился Егор.

– Да к тому, что мужик этот доктор. Наверняка. И хороший доктор.

– Ну и что? – не воодушевился Егор.

– Да дело-то, в общем, не в этом, хотя вроде бы появилась зацепка для установления его личности, которую, между прочим, так никто и не установил. Ни по каким базам данных не проходит. И никто его не ищет, – продолжил Никифор. – Только и это сейчас не главное. А важно, что у дедульки, который чуть не откинул тапочки, имеется дочь. И она очень благодарилась мужика без памяти за спасение любимого папы. Папа-то сам поблагодарить не мог, потому что забыл, как его спасали. Исчезла у него краткосрочная память. Но и это, Граф, не так важно. Короче, говорила дедулькина дочь всякие красивые слова мужику, кудахтала вокруг него, кудахтала, а потом зацепилась взглядом за его рукописи. А он к тому времени не меньше тонны бумаги уже исписал. Вся тумбочка и подоконник были завалены.

Она несколько страниц прочла и говорит: «Замечательно! Мне очень нравится! Разрешите, возьму домой почитать».

Мужик оказался не против. А тетка в издательстве работает. Проглотила она эту книгу, и завертелось дело. Через неделю с мужиком прямо в больнице договор подписали, псевдонимчик придумали – Я. Немо. А днями первая книжка вышла. Мужик-то сейчас, между прочим, уже десятую заканчивает. Ну вот, а ему как авторские экземпляры привезли, он матери для меня и подписал. Отличная, Граф, книжка! Доктор, так теперь мужика в больнице прозвали, даром что про себя ничего не помнит, а фантазия функционирует на все сто. Полагаю, по той причине, что мозги у него ото всякой ерунды разгрузились.

«Доктор! – застучало в висках у Егора. В памяти всплыли слова, сказанные Зоей в том мире: «Нет, доктор он хороший». – «Факт, хороший, наверное, даже выдающийся, – продолжало крутиться у него в голове. – Личным врачом Верховного Правителя другие не становятся». В следующее мгновение он спохватился: Доктора больше нет и быть не может. Тем более здесь, в этом мире.

Смутное противное чувство, однако, не проходило. К горлу подкатывала тошнота. Совпадение? А книжки тогда откуда взялись? Тоже по совпадению? Ну почему он тогда не посмотрел на них повнимательнее и не запомнил автора? Но он был уверен, что Зоя подсунула ему какое-то девчачье чтиво, которое его абсолютно не интересовало. Беглый взгляд зафиксировал лишь название «Звездные сестры» да лица двух девушек на обложке. Прочти он тогда хоть

несколько страниц, смог бы сейчас сравнить – тот же текст или нет. А без этого остаются одни лишь догадки. Зато он прекрасно помнит, как выглядел Доктор. Уж его он везде узнал бы. Никогда не забыть.

– Коржик, на этого мужика посмотреть хоть можно?

– А-а... – Круглое лицо Никифора заалело горделивым румянцем. – Позавидовал? Тоже автограф хочется? Ладно, чего для лучшего друга не сделаешь, – с важностью продолжил он. – Мы с тобой вот как поступим. Ты книгу купи, я передам ее матери, и Немо для тебя ее подпишет.

– Спасибо, конечно, но я предпочел бы личную встречу. Мне еще надо у него кое-что спросить, – нашелся Егор.

– Чудак человек, – хмыкнул Коржиков. – Что ты там спрашивать собираешься, когда даже книжку еще не прочел?

– Да я не по книжке, – ответил Егор. – Понимаешь, ни разу в жизни еще с живым писателем не беседовал.

– Я, между прочим, тоже, – ревниво буркнул Никифор. – Хотя вроде бы и все карты в руки. Но нас с тобой туда не пустят. Отделение-то закрытое.

– То есть сам ты Немо, выходит, не видел? – продолжал допытываться Егор.

– Видел, – с гордостью отозвался друг. – Только очень издалека. Когда его только что привезли. Мать показала.

– Иными словами, ты внутрь войти можешь?

– Нет. Это во дворике происходило. Он у них такой закрытый. Пациенты там гуляют. Верней, те из них, которые не буйные.

– А они и сейчас гуляют? – с надеждой поинтересовался Егор.

– Раз в день обязательно, – покивал Коржик. – Когда погода хорошая.

– А ты меня можешь провести? – не отступал Егор.

– Официально – тухлый номер. Но там есть один лаз. Если еще не заделали, попробуем. У меня, кстати, к Немо тоже несколько вопросов возникло. По книжке. Я в ней кое-чего недопонял. Но только, Граф, могила. Никому о том, что он там находится.

– Я ведь уже поклялся, – напомнил Егор. – Кстати, а как этот Немо выглядит?

– Да, в общем, обыкновенно. – Лицо у Никифора стало задумчивым от попытки припомнить. – Мужик и мужик. Довольно крупный. Сам скоро увидишь.

– Когда пойдем-то? – не терпелось Егору.

– Сперва книгу купи и прочитай, – потребовал Коржик. – Иначе не поведу. Ляпнешь что-нибудь невпопад. Краснеть мне потом за тебя перед писателем.

Следующие два урока Егор просидел как на иголках. Надо скорее купить книгу, потом в темпе прочесть. Тогда, может быть, уже завтра они с Никифором отправятся к Немо, он, Егор, убедится, что тот совсем не Доктор, и успокоится.

На большой перемене, собрав по карманам всю имевшуюся наличность и дозаяв недостающую сумму у Никифора и еще двух других одноклассников, Егор с трудом смылся из школы, сбегал в книжный магазин и уже на следующем уроке читал под партой о потрясающих приключениях звездных сестер.

Если это были те же самые сестры, которых ему предлагала Зоя, то она оказалась права. Сюжет захватывал с первых же страниц и не отпускал. Егор буквально не мог оторваться. Только вот Коржик ужасно мешал. Каждую минуту принимался тыкать в бок и спрашивать:

– Ну, Граф, классно, да? Нравится?

– Нравится, – кивал тот.

– Говорил же, смач! – шептал на ухо Коржик.

– Угу. Отстань, – пытался отделаться от него Егор.

Коржик ненадолго успокаивался, но потом опять принимался за свое.

Вернувшись домой, Егор, не отрываясь от книги, сжевал обед, затем дочитал роман до конца и даже умудрился до прихода мамы с работы сделать часть домашки.

– Сынок, ты какой-то сегодня чересчур тихий, – заметила во время ужина Нина Владимировна. – Ничего не рассказываешь.

– Устал, – коротко бросил сын, у которого по-прежнему не выходил из головы Доктор. Ну, не мог он сочинять столь классные книги!

– Устал? – еще больше заволновалась Нина Владимировна. Перегнувшись через стол, она приложила ладонь к его лбу.

Егор раздраженно мотнул головой:

– Я в полном порядке. Нагрузки в школе большие.

Нина Владимировна нахмурилась.

– Давай-ка поставим градусник. Для профилактики.

Егор вскочил на ноги.

– Мама! Градусник – это не профилактика! Он не лечит!

– Вот видишь, какой ты раздраженный, – стоически произнесла Нина Владимировна. – Значит, что-то болит. Давай-ка признавайся. Лучше один денек дома высидеть, чем потом две недели в кровати валяться.

– Мама! – взвыл Егор. – У меня ровно ничего не болит! Вот! Смотри! Горло у меня совершенно не красное!

И, широко разинув рот, он высунул язык. Нина Владимировна схватила со стола чайную ложку и, ловко орудуя ею, заглянула сыну в глотку.

– Вроде и впрямь чисто, – вынуждена была признать она. – Ни красноты, ни налетов.

– И насморка никакого нет! – Решив закрепить успех, Егор шумно задышал носом.

– Видно, действительно просто устал, – сдалась обеспокоенная родительница. – Тогда, знаешь, доделывай быстро уроки и ложись пораньше.

– Обязательно, – обрадовался Егор. Опасность завтра остаться дома его миновала. – Вот только погоду на завтра посмотрю.

– Это еще зачем? – изумилась мама, зная, что раньше сын прогнозом погоды особо не интересовался.

– Задание по биологии, – ловко выкрутился Егор. – Сравнение прогноза с действительным результатом.

– Валяй, экспериментатор, – махнула рукой Нина Владимировна. – Только договоримся: не засиживайся потом в компьютере.

– Да я буквально на секунду, – пообещал он.

Погоду метеоцентр предсказывал ясную и теплую. Настоящая весна! Теперь оставалось надеяться, что прогноз сбудется, а не как иногда, с точностью до наоборот. Егор уже собирался выключить ноутбук, но в последний момент скорей наудачу, чем в расчете на результат, набрал в поиске «Звездные сестры». Количество ссылок его потрясло. Просмотреть их все – не хватит и месяца, даже если не спать и не ходить в школу.

Егор кликнул «Я. Немо». Тоже уйма ссылок! Они касались и капитана Немо, и рыбки Немо, и магазина «Немо», предлагавшего широкий ассортимент оборудования для любителей дайвинга. Следующим номером фигурировал какой-то художник-концептуалист Якудзя Немо, который прославился тем, что, обмотав голое тело водорослями, просидел в полном безмолвии на столбе целых шестьдесят суток. Этот Якудзя оказался совсем не японцем, как сперва подумал Егор, а шведом, проживающим в Албании. Действо, предпринятое им, величественно именовалось концептуальным перформансом. Его одновременно запечатлевали двадцать камер, ретранслирующих изображение на Венецианское бьеннале.

Следующий Я. Немо был поскромнее. Звали его Яном, обитал он на хуторе под городом Рига и пятьдесят лет молчал. Никто его не снимал и ни на какие бьеннале не транслиро-

вал. Правда, скромное его достижение было документально зафиксировано в местной Книге рекордов Гиннеса.

Егор продолжал щелкать мышью и листать страницы. Ну, наконец-то! Он впился глазами в текст. Статья из крупной еженедельной газеты. «Звездные сестры» в ней назывались хитом месяца и открытием года. Наконец отечественные юные читатели получили то, о чем мечтали, пока на прилавках властвовали переводные издания. И так далее, в том же восторженном духе.

За панегириком последовало обсуждение в рамках круглого стола. Несколько известных литературных критиков высказывали гипотезы, кто, по их мнению, может скрываться за таинственным псевдонимом Я. Немо. Мнения сильно разделились, но один тезис присутствовал во всех высказываниях. Кем бы ни оказался талантливый новый автор, в литературе он явно не новичок. Мастерства никаким псевдонимом не скроешь. Следовательно, развивали мысль литературные корифеи, это кто-то из очень известных писателей, скорее всего раньше работавший во взрослой литературе и в другом жанре.

Далее критики анализировали особенности стиля, и каждый из них приходил к своему выводу. Согласно суждению одного, Я. Немо – это альтер эго одного из самых популярных детективщиков. С ним вступил в яростную и бескомпромиссную полемику почтенный литературовед, с пеной у рта утверждавший, что автор «Звездных сестер» – определенно женщина. Литературовед даже назвал имена: или Дарья Донцова, или Татьяна Устинова, но тем не менее никак не Александра Маринина. Третий участник дискуссии возражал не менее яростно. Мол, никакая не женщина и не детективщик. Язык совершенно другой – яркий, красочный, сочный, не имеющий ничего общего со скорописью, характерной для всяких литературных однодневок. Значит, это не кто иной, как Всеволод Савинов. Дискуссия тормознулась в силу той самой причины, что остальные участники о Всеволоде Савинове слухом не слыхивали. Выяснилось, что обитает сей автор где-то под Новосибирском, сумел опубликовать всего несколько повестей, последняя из которых вышла двадцать лет назад, и широко известен лишь в узких кругах местных знатоков.

Четвертый из дискутирующих заявил, что все его коллеги далеки от истины, и он-то уж точно знает: «Звездные сестры» – продукт коллективного творчества двух известных писателей. Это мужчина и женщина, но фамилий их он не раскроет, так как это его друзья, а он, несмотря на цинизм современного общества, человек старой закалки и друзей не предаст даже за приличные деньги.

– Дурдом! – тихо возмутился Егор. – Какой смысл обсуждать то, чего не знаешь?

«Хотя, – сообразил вдруг он. – Может, именно это от них и требовалось? Рекламная завлекалочка, а правды никому и не нужно».

На всякий случай он все же продолжил читать. Далее следовал комментарий редакции, которая, проанализировав позиции критиков, склонялась к мнению, что прав, наверное, первый из них...

– Между прочим, кто-то кому-то что-то обещал, – услышал Егор у себя за плечом голос мамы.

– Ой, извини. Я тут просто еще немного...

Он быстро выключил компьютер и улегся спать.

В школе его подстерегало новое испытание. Коржик, видимо по-прежнему боясь опозориться перед писателем, устроил ему настоящий экзамен на знание сюжета первой книги про приключения звездных сестер.

Все перемены Никифор изводил друга каверзными вопросами.

– Слушай, Коржик, ты хуже нашей физички! – взорвался после сотого вопроса Егор. – Въедливый, как кислота! Теперь я знаю: тебе точно ни под каким видом учителем нельзя становиться. Детей уморишь.

Кругленький Никифор надулся:

– Надо мне очень учителем! Я автогонщиком собираюсь быть, как Шумахер.

– Тоже не выйдет, – покачал головой Егор. – Говорю же, ты как кислота. Болид моментально ржавчиной от тебя разъест. А потом, ты ведь вроде еще недавно хотел в путешественники податься, как Конюхов. Кто мне твердил: мол, здорово мужик устроился, плавает целый год вокруг света, и ничего больше делать не надо. А ему еще за такое удовольствие деньги платят и по телику постоянно показывают.

– Да когда это было, – выпятил нижнюю губу Коржииков. – Ты разве не слышал? Идет глобальное потепление, климат портится. Охота мне в ураганы и под дождем плавать. И вообще, при чем тут моя будущая профессия? До нее еще дожить надо, а к писателю мы сегодня идем. Вот и ответь мне, пожалуйста, какого цвета глаза у старшей звездной сестры?

Егор вздохнул.

После уроков они забежали домой к Никифору, оставили там рюкзаки с учебниками, наскоро перекусили и направились в больницу. По счастью, она находилась недалеко. Даже ехать ни на чем не пришлось. Пешком дошли. За решетчатыми воротами проходной виднелось несколько многоэтажных корпусов.

– Сюда? – поинтересовался Егор.

– Нет, – мотнул головой Коржик. – Нормальные герои всегда идут в обход, – напомнил он слова Бармалея из их любимого в раннем детстве фильма «Айболит-66». – Вот так мы с тобой и поступим... По заборчику, по заборчику...

– И нам потом через него лезть? – опасно покосился Егор на двухметровое сооружение из бетонных плит. – По-моему, там еще наверху битое стекло натыкано.

– Плевать. Хоть колючая проволока, – отмахнулся Никифор. – Нам с тобой на забор не надо. Объяснял ведь: в обход идем.

Они следовали вдоль бетонного ограждения, пока оно внезапно не кончилось, сменившись кривым и щербатым дощатым забором, сквозь дыры в котором торчали густые и еще голые ветви кустов.

Никифор жестом иллюзиониста отодвинул одну из досок.

– Ныряем, Граф.

– Так просто? – Егор ожидал куда более ощутимых препятствий.

– Э-э, нет, дружище, это только начало, – с трудом пролезая в образовавшийся лаз, пропыхтел Никифор. – До нужного корпуса нам еще топать и топать. Мы с тобой сейчас находимся на территории научно-исследовательского института, – тоном экскурсовода сообщил он. – Здесь, естественно, грязновато, но цель, по-моему, оправдывает средства. Тем более сам хотел. А я тебе легкой жизни не обещал.

Под ногами чавкала раскисшая глина. Густой кустарник цеплялся за одежду. Мальчишки, однако, упорно двигались вперед – вдоль свернувшего под прямым углом бетонного забора. Дальше тянулся приземистый одноэтажный ангар.

– Мимо него на цыпочках, – шепотом предупредил Никифор. – Там внутри дядька злой. Орет. И собаку может спустить.

– Собака-то где? – Егор счел за лучшее загодя подготовиться к неприятной встрече.

– Обычно вместе с ним внутри. Но иногда они вместе снаружи гуляют.

– Значит, ты сюда часто ходишь?

– Было время, ходил, – туманно ответил Никифор.

– К матери? Зачем так сложно? – удивился Егор.

– Не к матери, а по бизнесу, – снисходительно бросил друг. – С пацаном из соседнего подъезда скооперировались. У него здесь родительница санитаркой работала. А мы оказывали услуги больным. Мелочовку разную им таскали за небольшой процент. Всякие там сигареты-конфеты. Кому чего не хватало.

– Ты раньше мне никогда не рассказывал! – Егора захлестнула обида.

– Не обижайся, Граф, дело прошлое. Во-первых, не мой секрет, а того парня, и подключить я тебя по-любому не мог. Был бы таким, как сейчас, – пожалуйста. Втроем больше бы заработали. А так чего понапрасну больного человека травмировать и в депрессию вводить. Куда тебе в бизнес было. Ты же тогда с трудом до сортира доходил на ощупь.

Из ангара донесся скулеж.

– Тихо, – шикнул Никифор. – Быстрее вперед. Вдруг собака там не одна.

Они стремглав пронеслись мимо ангара. Коржик нырнул в узкое пространство между еще каким-то зданием и огороженной помойкой. Егор последовал за ним. Несколько десятков метров, и они опять врезались в густой кустарник.

– Теперь совсем чуть-чуть осталось, – ободрил Никифор.

И действительно, продравшись сквозь кусты, они уперлись в очередной забор – высокий, дощатый, только, в отличие от прежнего, достаточно добротно сделанный. Никифор принялся дергать одну доску за другой, бормоча:

– Забыл какая. Времени много прошло. А может, ее вообще с тех пор снова прибили. Ну, ничего. У нас тут припрятано.

– Значит, бизнес ваш кончился? – полюбопытствовал Егор.

– Да Леху зацапали, – проворчал Коржик. – Пришлось свернуться. И мать его уволилась. А после они вообще в другой район переехали. А-а, вот она, родименькая! Только, по-моему, уже новая. Ну да какая разница. Лезем, Граф. Главное, в точности следуй моим указаниям. Никому лишнему нам на глаза попадаться не след.

За забором обнаружился довольно просторный сад с раскидистыми яблонями, под которыми стояли свежоокрашенные скамейки. Посреди сада была разбита большая клумба, пока еще абсолютно голая. Между деревьями петляли посыпанные гравием дорожки. Ближе к забору возвышался белый фонтан с купидоном, держащим в руках кувшин. Видимо, летом из кувшина в чашу лилась вода, но сейчас чаша была суха и пуста, а на макушке купидона с чувством собственного достоинства восседала огромная ворона, зорко обзоревающая окрестности.

– Короткая перебежка, и прячемся за фонтан, – скомандовал Коржиков.

– Немо-то здесь? – изнывал от нетерпения Егор.

Несколько закутанных фигур бродило по дорожке.

– Пока не видел, – откликнулся Никифор. – Пошевеливайся, а то засекут.

Они беспрепятственно достигли фонтана и устроились на корточках за округлым бортом чаши. Ворона, глянув на них сверху вниз, сварливо каркнула и улетела.

– Стукачка, – буркнул Никифор. – Хорошо еще, говорить не умеет. Иначе бы заложила.

– Слушай, ты, орнитолог, птиц мы, что ли, пришли сюда наблюдать? – обозлился Егор. – Нам, между прочим, писатель нужен.

– Без тебя знаю, – огрызнулся Коржик. – Но я его пока не вижу.

– О-о-о! Знакомые лица, – послышался радостный голос сзади. – Давненько не виделись.

Егор вздрогнул и обернулся. Из-за яблони выглядывал невысокий щупленький старичок, похожий на гнома. Сходство усиливали длинная борода и красная шапочка с помпончиком.

– Коробейники пришли! – с восторгом простер он руки к Никифору. – Раскладывай товар. Так сказать, ленты, кружева, ботинки, все, что надо для души.

– Нет ничего, Александр Сергеевич, – почти шепотом отозвался Коржиков.

Лицо старичка-гнома удрученно вытянулось. Глаза налились слезами.

– Совсем ничего? – Он всхлипнул. – Даже ни одной жвачки?

Егор понял: если гном здесь задержится, это привлечет внимание других пациентов, а следом за ними явится медперсонал. Последствия были вполне предсказуемы: их с Никифором выставят. Мальчик порылся в кармане. Рука нащупала полупустую пачку фруктовой жевательной резинки.

– Одна есть, Александр Сергеевич, – протянул он старику продолговатую пластину.

Слезы у Александра Сергеевича моментально высохли.

– Сейчас за деньгами сбегаю, вы только дождитесь, я вас умоляю.

Этого еще не хватало! Если он будет носиться туда-сюда-обратно, он и впрямь соберет возле них всю психушку. И прежде, чем старичок успел сделать хоть шаг, Егор бешеной скороговоркой выпалил:

– Сегодня бесплатно. В честь этого... – он на мгновение запнулся, но тут же продолжил:

– Праздник у нас, понимаете? Юбилей фирмы. Год со дня основания! Только, пожалуйста, никому ни слова. Подарок эксклюзивно для вас.

Старичок выхватил у него жвачку, развернул, запихнул в рот и вприпрыжку унесся в густые кусты.

– Ну, ты, Граф, скоро сам звездных сестер сочинишь, – обалдело взирал на друга Никифор. – Засыпал ты этому кексу мозги пудрой по самую крышу. Только вот жвачку не надо было давать. Он на ней свинтился. Глодает ее, а потом живот болит.

– Из-за этого здесь и лечится? – спросил Егор.

– Нет, из-за того, что он Пушкин.

– В смысле фамилии? – не понял Егор.

– Нет, в смысле, что ему кажется, будто он Пушкин. Вообще-то он тихий. И в остальном совершенно нормальный. У него только зимой обострения начинаются, перед годовщиной дуэли на Черной речке. А ко дню рождения Пушкина, ну, к шестому июня, заканчиваются, и его домой отпускают. Правда, на следующий год все по новой. А вот и Немо.

Егор дернулся, собираясь подняться на ноги.

– Не торопись, – сказал Коржик. – Подойдет поближе, тогда и окликнем. Чего светиться раньше времени. Лучше пока ручку и книжку приготовь.

Но Егор уже ничего не слушал. Он во все глаза смотрел на приближающуюся фигуру.

Глава II

Крупный дядька, закутанный в какой-то тулуп и до подбородка замотанный шарфом, неспешно шествовал по дорожке. Он или не он? Доктор вроде был толще. Этот же, несмотря на бесформенное одеяние, казался гораздо стройнее. Лица не разглядеть. Мешал шарф и козырек бейсболки.

Он брел, опустив голову, будто глубоко задумался. Сердце у мальчика беспокойно колотилось. «Нет, все-таки, пожалуй, похож», – пронеслось в голове. Егора охватило еще большее смятение. Не слишком ли он убедил себя перед походом сюда, что Немо никак не может оказаться Доктором? А если худшие подозрения все-таки сбудутся? Надо было прикинуть заранее хоть простенький план действий. Подойти? Или, наоборот, бежать? Ни в том ни в другом нет смысла. А в чем есть – неясно. Мысли прыгали, путались. В голове у Егора воцарился совершеннейший хаос.

Зато Никифора никакие сомнения не одолевали. Сочтя, что писатель уже подошел к ним достаточно близко, он схватил друга за руку и скомандовал:

– В атаку.

Егор еще не успел сориентироваться, как очутился подле человека в тулупе, который в этот момент как раз опускался на скамейку. Егор упирался, стараясь выиграть время и собраться с мыслями, однако Никифор цепко держал его за рукав.

– Что, сдрейфил в последний момент? – сердито прошипел он. – Поздно. Шевели ногами!

Действительно поздно. Дядька уже поднял голову и с недоумением взирал на них. Лицо под бейсболкой сильно походило на лицо Доктора, только с тех пор, как мальчик видел его последний раз, оно словно сдулось. Пухлые щеки исчезли, кожа обтягивала заострившиеся скулы, а главное – никакого узнавания в глазах. Человек изучал обоих мальчишек хоть с некоторым любопытством, но абсолютно спокойно.

У Егора опять забрезжила надежда: может, все же не он?

– Здравствуйте! – тем временем начал Коржиков. – Мы вот к вам пришли! Оба – поклонники вашего таланта. Я – сын Марины Николаевны. Вы мне книжку подписали! Помните?

Немо растерянно похлопал глазами и покачал головой.

– Ну как же, – разочарованно вытянулось лицо у Никифора. – Эх, надо было книжку с собой взять и вам предъявить.

– Есть у меня книжка, – вмешался Егор.

При звуке его голоса Немо вздрогнул.

– Зачем мне твоя-то книжка? Она же без подписи, – пожал плечами Никифор. – Хотя нет. Вообще-то давай. Пусть он тебе подпишет. Вы ведь подпишете? – проорал он Немо в самое ухо, словно тот страдал не только потерей памяти, но и глухотой.

Немо отшатнулся. Однако на Коржикова это не произвело ровно никакого впечатления, и он заорал с удвоенной силой:

– Он! Ваш! Фанат! – Для наглядности Никифор после каждого слова тыкал пальцем в Егора. – Книжку вашу выучил почти наизусть! Можете спрашивать по тексту с любой страницы!

Немо съежился и будто ушел целиком в тулуп и шарф.

– Не надо. Не хочу, – пробормотал он из-под прикрытия козырька.

– Да вы не стесняйтесь, он правда знает, – упорствовал Никифор. – Вот, например, давайте со страницы десять. – Он принялся перелистывать книгу Егора. – Что бы его тут такое спросить?

– Не надо, не надо, – как в трансе твердил автор «Звездных сестер».

– Уймись, Никифор, – тихо проговорил Егор. – Кажется, ему плохо.

– Отстань, Граф, не умеешь ты с писателями разговаривать, – в раже отмахнулся Никифор и, переведя взгляд на Немо, возмущенно осведомился: – Вы что же, значит, даже ему не подпишете? Зачем же мы к вам сюда лезли?

– Подпишу, – с неожиданной покорностью отозвался Немо и потянул руку за книгой. – Кому?

– Егору Орлову, – сказал мальчик.

Немо вдруг снова резко дернулся. Ручка вырвалась у него из рук и закатилась под скамейку. Егор, опустившись на корточки, принялся шарить в прошлогодней пожухлой траве. Нашупав пропажу, он, еще не поднявшись с корточек, повернул голову к Немо:

– Знаете, мне действительно очень понравилась ваша книга!

Немо наклонился. Его лицо нависло над Егором.

– Доктор Крабби, это вы? – прошептал мальчик.

Немо взревел. Глаза его налились кровью. Он схватил Егора за воротник. Тот, потеряв равновесие, завалился на бок. Никифор бросился ему на помощь и, вцепившись Доктору в шарф, завопил:

– Отпустите его! Вы разве не поняли? Он вашу книгу не ругал, а хвалил!

Егор, изловчившись, сумел вскочить на ноги. Сбитый с толку воплями Коржикова, Доктор ослабил хватку. Егор вырвался.

– Бежим, Коржик!

Он без оглядки кинулся к лазу в заборе. За спиной его слышался топот. Егор был совершенно уверен, что это Никифор. Лишь пропихиваясь сквозь лаз, он удосужился посмотреть назад.

Никифор куда-то девался. А за Егором неся Доктор. Мальчик быстро задвинул доску. Доктор, яростно взревев, рванул ее на себя. Забор содрогнулся. Выяснить, сумеет ли Доктор протиснуться в узкий лаз, мальчик не стал. Нужно было как можно скорее попасть на улицу. Там все же люди; в их присутствии Доктор вряд ли рискнет напасть на него. А может, даже удастся вскочить в какой-нибудь автобус. Егор точно видел там остановку.

Он отчаянно продирался сквозь плотно сросшиеся кусты, а они все не кончались и не кончались. Здание-ориентир должно уже быть совсем рядом, но где оно? За густыми голыми ветвями, смыкавшимися высоко над головой, ничего не видно. Егор бился в плотном переплетении кустарника, как муха в паутине. Топот и пыхтение за спиной не давали ему успокоиться или хоть на мгновение перевести дух.

Впрочем, он уже не бежал, а ценою невероятных усилий продвигался вперед черепашим темпом – не больше полшага в секунду. Преследователь его тоже запутался в зарослях, и до того основательно, что даже исчез из поля зрения. Лишь kloкочуще-надсадные хрипы да треск сокрушаемых под натиском могучего тела веток свидетельствовали: дистанция между ним и мальчиком сокращается.

Егор в отчаянии рванулся вперед. И – о чудо! Впереди забрезжил просвет. Это вдохнуло в мальчика силы. Там ведь дом, а дальше – мужик с собакой! Он поможет! Даже если и арестует как нарушителя. Ну и пускай. Главное, не подпустит Крабби.

Увы, Егор рано радовался. Просвет оказался крохотной полянкой. Никакого дома. Зато над новой стеной кустарника курился дымок. Прямой и ровный, будто шел из трубы. Только не видать ее. Хотя... Налетевший порыв ветра пригнул ветви. За ними мелькнули красные кирпичи. И впрямь печная труба. Не разбирая дороги, мальчик устремился на дым.

Он спотыкался, путаясь в высокой, почти по пояс, сухой прошлогодней траве. Земля внезапно кончилась. Совсем. Егор на мгновение завис неподвижно в воздухе, отчаянно перебирая ногами, и, лишенный опоры, стремительно полетел вниз. Сухие травы сомкнулись над его головой, как пасть прожорливого чудовища. Егора окутала крошечная тьма.

Приземление было мягким, хотя и ужасно мокрым. Егор с головою ушел под воду. Одежда до нитки набухла влагой и сковывала движения. Он попытался расстегнуть куртку, молнию напрочь заело. Шнурки на ботинках в воде как спаялись. А не избавившись от обуви, не стянешь и джинсы. Срочно всплыть, но куда там! Облепившая тело одежда камнем тянула на дно. Впрочем, где поверхность, а где дно, Егор уже тоже не понимал. Сознание путалось. «Тону», – обреченно отметил он. Надо было бороться за жизнь, но силы иссякли.

Лучше уж поскорей умереть и хотя бы не мучиться. Выдохнув остатки воздуха, Егор вдохнул воду. Она оказалась сладкой и свежей. И совсем не водой. Он... дышал! Полной грудью, словно где-нибудь на лесном лугу, усеянном ромашками.

«То есть я уже умер? – напрашивалось единственное заключение. – Человек ведь не может дышать в воде. Я ж не амфибия. У меня жабр нету». Тем не менее он дышал, и ноздри его даже улавливали какие-то запахи. «Видать, я и впрямь уже на том свете», – окрепла уверенность у него. Это одновременно радовало и пугало. Радовала абсолютная безболезненность перехода, после которого он продолжал мыслить и чувствовать. Следовательно, ему предстояла какая-то другая жизнь. Кстати, и его земной одежде – тоже. Она ведь никуда не девалась. По-прежнему облепляла тело, сковывая движения. Странно, конечно, но в общем-то не особенно важно.

Пугало и повергало в ужас другое: ему никогда теперь не вернуться домой! И маму больше никогда не увидеть! А она ведь даже еще не в курсе, что с ним случилось. Как она переживет его смерть, когда узнает о ней? Наверное, станет винить во всем Коржика. А Коржик...

– Какими судьбами! Вот уж никак невозможно было предположить. То есть, конечно, когда-нибудь это, наверное, случилось бы, однако так рано... Одной ногой там, а другой уже тут... – зажурчал в ухо Егору смутно знакомый голос.

Выходит, он тут не один! И кто-то даже его увидел! Только вот сам-то он, кажется, не видит. Полная тьма. Как тогда, когда ослеп! Может, упав, он снова лишился зрения? Только ведь если он умер... Или мертвые вообще теряют способность видеть, лишь слышат и чувствуют? Вот чудеса-то: шмотки, значит, земные тебе оставляют, живи в них и радуйся, а зрение – извини-подвинься! Но уж больно знакомый голос. Где-то Егор точно его слышал, и, кажется, не один раз...

Голос все говорил и говорил, обволакивая мальчика мягкими, с ускользящим смыслом словами.

– Погодите. Извините, пожалуйста. Вы мне сперва не могли бы сказать, где я? – попытался прервать Егор поток убаюкивающего красноречия.

Голос басовито расхохотался.

– Да ты, похоже, меня не узнал. А клялся в дружбе навеки. Ох, люди! До чего ж коротка у вас память.

Егор смешался:

– Извините, но я ничего не вижу. Тут ужасно темно! Или я ударился...

– Эх, это я виноват, – спохватился голос. – Не сообразил. Сейчас исправим.

Вспыхнул свет. Егор зажмурился.

– Теперь-то ты почему не смотришь? – полюбопытствовал голос.

Егор попробовал открыть глаза. Перед ними поплыли цветные круги.

– Слишком ярко. Слепит, – пожаловался он.

– Тебе не угодись, – обиделся все еще невидимый собеседник.

– Да я сейчас привыкну. Мне совсем чуть-чуть надо.

Мальчик снова открыл глаза. В следующий момент у него вырвался изумленный возглас. Перед ним в воде выплывали невероятные кульбиты фосфоресцирующий силуэт Тени Забвения.

Но это немыслимо! Как Тень мог попасть в мир иной? Хотя нет, не Тень, а он, Егор, совсем даже не умер, а каким-то чудом вновь перенесся в тот мир, где живут Тень Забвения, Зоя и Белка! И Доктор тоже... жил.

Егор с опаскою глянул вверх, однако не увидел ничего, кроме непроницаемой толщи воды.

– Тень, а кроме меня никто сюда только что не попадал?

– Ну вот. Увидел, и каков результат? Ни тебе здравствуйте. Ни как я рад тебя видеть. Ни как ты, дорогой Тень, поживаешь. Радости на лице не наблюдаю. Одни лишь глупейшие вопросы. Какая разница, попадал кто сюда или нет! По-моему, главное, что мы снова встретились. Правда, сдается мне, только по-моему это главное.

Силуэт перестал фосфоресцировать, мрачно притух и меланхолически затуманился на контурах.

– Ой, ты меня совершенно неправильно понял! Я ужасно рад тебя видеть! Ты даже не представляешь как! – поторопился заверить Егор.

Контур Существа из Колодца вновь начали обретать четкость. Тело его неуверенно зафосфоресцировало.

– Я очень-очень рад! – скороговоркой продолжал Егор. – Только, понимаешь, со мной только что произошла очень странная история. Я там... у себя... у нас, – с трудом подбирал он слова. – Столкнулся с Доктором Крабби. Ты помнишь его?

– Еще бы не помнить, – подтвердил Тень.

– Так вот. Он узнал меня и опять погнался. А я, убегая, случайно ухнул в колодец. Только не в твой, а в другой... Там... у нас. Хотя, возможно, это была просто яма, но из нее я попал к тебе.

– Разное бывает, – туманно изрек в ответ Тень.

– Ну вот, я испугался, что Крабби тоже мог за мной прыгнуть. Поэтому у тебя и спросил.

– Пока не прыгнул, – откликнулся Тень. – Мне вообще весьма странно, что он еще где-то прыгает, – хмуро добавил он.

– Да мне самому странно, – подхватил Егор. – Я думал, те, кто попали в Колодец Забвения, навсегда исчезают. И вдруг я с ним повстречался.

– Обычно исчезают, – подтвердил Тень. – Твоя информация ниспровергает основы.

– А почему мое появление не ниспровергает? – удивился мальчик.

– Ты – особый случай. Под наши правила не попадаешь, – уверенно произнес Тень. – Но Крабби – другое дело. Его существование должно подчиняться нашим законам.

– Откуда тебе известно, что я другой? – удивился Егор. – Раньше ведь ты считал, что я ваш, ну, местный.

– Зоя рассказала. Она часто приходит со мной о тебе поболтать.

– Значит, вы познакомились? – еще сильнее удивился мальчик. – Ты же вроде говорил, что не имеешь права никому показываться. И с меня взял клятву, что про тебя ей не расскажу.

– Времена меняются, – слегка затуманился Тень. – Она приходила к моему Колодцу и плакала. А я ей очень сочувствовал. Прямо душа надрывалась. – При этих словах у Тени на прозрачной груди забилося ровненькое красное сердечко. – Ну и потом, она же все-таки дочь многуважаемого мною покойного Верховного Правителя Карла. Разве мог я оставить его любимую дочь наедине с ее горем.

Тень вдруг зафосфоресцировал цветом имперского пурпура.

– В общем, завязали мы с ней знакомство, – продолжил он. – Славная девочка.

– Но почему она плакала? – встревожился Егор. – Что у нее случилось?

– А ты не догадываешься? – На круглом гладком лице Существа из Колодца обозначился пристальный взгляд.

«Белка! – У Егора до боли сжалось сердце. – Гувернантка и Орест все-таки нашли способ разлучить ее с Зоей! Или, может быть, с Зоиной няней что-то случилось? Она ведь старенькая».

– Няня? Белка? – враз севшим от нехороших предчувствий голосом проговорил он.

– Вот глупый. С Белкой и няней полный порядок.

– Тогда кто? – совсем растерялся мальчик.

– Да ты. Ты. Из-за тебя она плакала. Считала, что ты исчез навсегда вместе с Доктором.

– И до сих пор так считает?

Тень как-то замялся, чуть-чуть расплылся и пошел мелкой рябью.

– М-м-м. Не совсем уверен.

– Но неужели Белка... Она-то должна была знать.

Егор принялся шарить по мокрым карманам. Ореха нигде не оказалось. Потерял? Забыл взять с собой? Или мама вытащила? Теперь уж и не узнаешь.

– Белка вселяла в Зою надежду на лучшее, – сухо проинформировал Тень. – Но, по моему, она не слишком ей поверила.

– А ты не вселял?

– Но ведь я до сих пор сам терялся в догадках, какая участь тебя постигла. Верил в лучшее, ждал, конечно. Однако вселять одни лишь надежды... – Тень промолчал. – Не поворачивался язык обманывать девочку. Вдруг случилось бы худшее, и ты канул бы в Лету. Она бы мне не простила напрасных надежд. Это Белке все сходит с рук, а моей скромной персоне подобные привилегии не даны, – ревниво добавил он. – Зато теперь-то она как обрадуется! – Голос Тени резко повеселел. – Вот сюрприз так сюрприз!

На лице Тени вновь четко обозначились глаза, и они лукаво блеснули.

– А давай мы с тобой ее разыграем. Вот явится она к Колодцу, позовет меня, а вылезешь ты.

– А если она неделю сюда не придет? Вдруг она, например, в отъезде или занята? Мне здесь так и сидеть? – не слишком восхитила Егора его задумка.

– Ну, если тебе наскучило мое скромное общество, насильно держать не стану, – обиделся собеседник Егора. – Во-от. Стараешься, стараешься. Силы кладешь на уход за чужим имуществом, а лучшему другу лишнюю минуту с тобой побыть в тягость.

– Каким еще имуществом? – ошалело уставился на него мальчик. – У меня ничего в этом мире не было.

– Э-э-эх, – махнул прозрачной рукой Тень. – Забыл ты про нас.

Вспенив одним движением воду вокруг себя, он образовал мощный водоворот, из которого вылетела ярко-розовая клякса, стремительно спикировавшая точнехонько на плечо Егора.

– Мой лягушонок? – в замешательстве провел он пальцем по упругой розовой спинке.

За то время, что они не виделись, творение его рук, появившееся на свет благодаря дерзкому эксперименту с таинственной субстанцией из лаборатории трансмагистра Амадеуса, успело заметно подрасти, превратившись из крохотного розового резинистого существа в весьма упитанного взрослого Лягуха. Коричневые крапинки у него на спине тоже увеличились и потемнели.

– Квак! – поприветствовал он Егора ломающимся голосом подростка.

Мальчик взял его в руки. Шоколадные глаза Лягуха сияли от радости. Рот его растянулся шире обычного. Он улыбался.

– Как ты вырос! – продолжал удивляться Егор.

– Квак! – подтвердил лягушонок и гордо выгнул крапчатую спинку.

– Заботился. Кормил хорошо. Четыре раза в день, – счел своим долгом подчеркнуть свой личный вклад Тень Забвения.

– Спасибо тебе большое, – поблагодарил Егор, пристраивая лягушонка на привычное место за пазухой.

Тот, немного покопошившись, угнездился там, распластался, еще несколько раз тихо квакнул и совершенно счастливый затих.

Тень вздохнул и трагически выдохнул:

– Я к нему, как к родному, привязался. А он даже не дал себе труда найти для меня хоть одно теплое слово на прощание.

– Тень, он ведь говорить не умеет, только квакает, – поторопился сгладить неловкость мальчик.

– Если бы попрощался, я бы понял, – драматически продолжил Тень. – Он твой, и этим все сказано.

Тень явно настроился на волну пронзительной жалости к самому себе и вполне мог, как уже знал Егор по прежним с ним встречам, разразиться пронзительным, пафосным и многословным монологом о тягостном одиночестве, на которое обрекло его чувство долга перед Колодцем Забвения, коему он много лет беззаветно служит. В другой ситуации мальчик его с сочувствием выслушал бы, но сейчас ему было необходимо узнать другое, и он решительно прервал набравший силу поток красноречия:

– Ты совершенно уверен, что Доктор сюда не возвращался?

– Мимо меня и муха не пролетит, – заверило Существо из Колодца. – Да и летают все в другую сторону. Так что не беспокойся. Ни за себя, ни за Зою. Встреча с Крабби вам больше не грозит. Где бы он сейчас ни был, дорога сюда ему отрезана.

– А Зоя? Как она?

– Ну-у, – протянул Тень. – С ней вроде порядок. Днем на уроках. Гувернантка Василиса Власьевна держит ее, по приказу Зоиною дяди, нашего Верховного Правителя Константина Шестого, в ежовых рукавицах. Теперь она с ней занимается на два часа больше, чем прежде. И домашних заданий полно задает. Бедная девочка едва успевает ко мне на часок-другой вырваться. Эх, ученье – не свет, а сплошная мука. Хорошо, что я уже давно всему, чему надо, обучился. У нее ведь и физика, и математика в двух видах, а скоро трансмагистр Амадеус начнет преподавать специальный курс химии, астрономии и астрологии. Вот уж пустое. – На тумане лица Тени нарисовались густые черные брови, тут же сложившиеся в изумленный изгиб. – Ладно еще математика, но в небо тарашиться! Напрасное дело. Ну, что там полезного увидишь? Звезды? Так они далеко. Пока их свет до нас дойдет, глядишь – или звезды не стало, или она переместилась куда-то в другое место. Их вроде видишь, а их уже нету. Так и зачем они нам тогда. Будто у нас своих дел и проблем здесь, под боком, мало. Забивают девочке голову ерундой.

Егор слушал, но мысли о Докторе Крабби по-прежнему преследовали его.

– А Крабби тут не искали? – решил выяснить он. – Маршал безопасности Орест тебя не допрашивал? Или он еще болен?

– Маршал выздоровел. Как огурчик теперь. С новыми силами охраняет безопасность государства и лично Верховного Правителя, – проинформировал Тень. – А про Крабби напоминаю тебе: он упал в Колодец Забвения, после чего о нем сразу все забыли. Теперь его как бы и не было. Помнит все лишь твой покорный слуга, – существо из Колодца потыкало себя в грудь прозрачным пальцем, – Белка, потому что на нее общие законы тоже не действуют, да Зоя, потому что ей рассказала Белка.

– И никакого расследования не провели?

– Расследовали действия партизан, которые якобы пытались нарушить систему безопасности Башни. Всех их заочно приговорили к пожизненному тюремному заключению.

– То есть не поймали, не установили их личности, но приговорили? – Подобное казалось Егору полным бредом.

Тень ухмыльнулся.

– Кого же им было ловить и чьи личности устанавливать. – Он заговорщицки подмигнул мальчику. – Мы-то с тобой знаем...

– Тень! Тень! – послышалось сверху. – Выйди, пожалуйста. Я пришла.

Голос Егор узнал сразу. Зоя! Он смешался. Сердце заколотилось. Как он долго мечтал когда-нибудь снова встретиться с ней! И как становилось пусто при мысли, что этого не произойдет никогда!

– Ах, не успели сговориться, – досадливо крикнул Тень. – Впечатляющий розыгрыш мог бы выйти. Но, увы, времени на разучивание ролей нет. Ладно. Сейчас помогу тебе подняться. Все равно здорово. Представляю, какое у нее делается лицо при виде тебя. Такой сюрприз! Только бы Белки с ней не было. Она обязательно все испортит.

«У Тени с Белкой намечилось соперничество», – понял Егор, но комментировать его выпад не стал. Сам он с ней был в замечательных отношениях. А эти двое пусть сами между собой разбираются и делят сферу влияния.

– Тень, ты слышишь меня? – вновь гулко донесся до них голос девочки.

– Пошли. Она уже заждалась, – сказал Тень.

И, потеряв в предвкушении эффекта, который произведет, прозрачные ладони, завился штопором вокруг мальчика. Егора начало с силой выталкивать вверх, тело его развило невероятную скорость. Перед глазами замелькали кирпичи колодезной кладки. Движение все ускорилося. Вокруг становилось светлей и светлей. И вот мальчик, пробкой вылетев из воды, встал во весь рост прямо на ее поверхности. Ступни его опирались на огромные ладони Тени Забвения.

В тот же миг мальчик увидел Зою. На лице ее отражались попеременно потрясение, изумление, недоверие и, наконец, восторг.

– Ну, привет! Как поживаешь? – весело начал мальчик.

– Егор? Каким образом? Ты, значит, не... То есть жив? И опять...

– Как видишь, жив и здесь!

Он звонко расхохотался, стараясь спрятать за смехом волнение, от которого готов был сорваться голос. За короткий, а может, и длинный (кто разберет?) отрезок времени их разлуки Зоя, кажется, стала еще красивее!

– Совершенно жив. Правда, немножечко мокрый, но это фигня, – небрежно добавил он.

Зоя давно уже мысленно попрощалась с Егором навеки, оплавав его отчаянно смелый поступок, стоивший ему жизни и подаривший дальнейшую жизнь ей самой. У каждого своя судьба, и, видимо, ей на роду написано терять самых близких людей. Погиб, разбившись на махолете собственного изобретения, папа, умерла, не пережив горя, мама, потом Егор... Но вот он опять перед ней. Целый и невредимый. Это настолько ее потрясло, что она продолжала стоять как вкопанная на том самом месте, на котором застало ее внезапное его появление.

– Зачем ты нырял в Колодец? И как это ты умудряешься стоять на воде? – не сводила она с него огромных темно-карих глаз.

– Вообще-то ему кое-кто помогает, – высунул на поверхность голову Тень. – Понравился тебе мой сюрприз?

– Очень! – воскликнула Зоя. – Только не понимаю, зачем тебе сначала понадобилось топить его в своей жуткой воде? Да еще одетого! Смотри, какой он теперь мокрый. Простудится ведь. Как его теперь сушить?

Девочка было строго нахмурилась, однако в ней кипела такая радость, что пухлые ее губы, не удержав выражения строгости, вновь растянулись в счастливой улыбке.

– Вопреки наветам некоторых особ, хорошие люди в моей воде не простужаются, – с достоинством парировал Тень.

«Новый выпад в сторону Белки», – отметил мальчик.

– Егор. – На лице девочки воцарилось недоумение. – Ты побывал в Колодце Забвения и вернулся? Но этого же не может быть. Тебе удалось его как-то расколдовать? Или на нем больше нет проклятия?

– Отнюдь, – отрезал Тень. – Законы Колодца незыблемы. Просто наш общий друг являет собой исключение, которое лишь подтверждает правило. Поэтому даже тебе, несравненная Зоя, окунаться в мою водичку категорически не советую.

– Тень, хватит его там держать! – В ее голосе появились властные нотки. – Скорей помоги ему вылезти! Он должен снять все мокрое. Одежду развесим на кустах. Как удачно, что у меня с собой нянино одеяло. Решила пикник устроить. Но это потерпит до другого раза. А сейчас Егор в него завернется, пока его вещи сохнут.

– Правильно. – Тень выплеснул мальчика на траву, сам оставшись сидеть на бортике Колодца.

Егор огляделся по сторонам. Ничего тут за время его отсутствия не изменилось. Тот же густой орешник, растущий вокруг полянки, та же ярко-зеленая сочная трава под ногами и ослепительно голубое искусственное небо над головой. Мальчик знал: за орешником простирается сливовая роща, а потом – яблоневый сад, который упрется в огромные окна, глядящие с высоты сто двадцатого этажа высоченной имперской Башни на город Москву. Только не ту Москву, в которой жили Егор, его мама и Коржик, а совсем другую – столицу Объединенной Империи России и Киндии. Впрочем, Егор их Москву пока видел лишь с высоты птичьего полета, из окна Башни. Поближе познакомиться не удалось.

– Раздевайся, – поторопила Зоя, сунув ему в руки нянино одеяло. – Я отвернусь.

Егор расправил знакомое одеяло с аппликациями из лоскутов. Вот Белка, вот Башня, вот зверь, похожий на льва...

– Ты что там, уснул? – сердито спросила Зоя. – У меня, между прочим, не так много времени.

– Извини, – спешно рванул вниз молнию куртки Егор. – Кстати, а Белка-то где?

За его спиной послышалось неодобрительное фырканье Тени. Мол, нашел о ком спрашивать.

– Скоро придет, – откликнулась Зоя. – У нее там образовались какие-то свои дела. Давай сюда куртку. Отожму ее, пока остальное снимаешь.

Вскоре одежда мальчика висела на кустах, а он, туго обернутый в пестрое одеяло, сидел рядышком с Зоей на полянке, упоенно жуя необычайно вкусные крендельки со сладкой пурпурной глазурью – очередной шедевр, сотворенный на кухне Верховного Правителя. Даже Тень, предпочитающий обычно питаться крайне странными с точки зрения человека вещами, наподобие застывшего вара, соблазнился кулинарным изыском и проглотил сразу несколько штук. Зоя и Егор с большим любопытством проследили, как крендельки, путешествуя по его прозрачному телу, постепенно тают и растворяются.

– Тебе было вкусно? – поинтересовалась Зоя.

– Съедобно, – отделался лаконичным комментарием Тень. – Долго ж твоя одежда естественным образом будет сохнуть, Егор. Пора ускорить процесс.

Он штопором вывернулся посреди водной глади. Ребята услышали, как позади них затряслись мелкой дрожью кусты, и, обернувшись, синхронно ахнули в изумлении. Зрелище впечатляло и завораживало. Миллионы капель дождем вылетели из мокрой ткани, однако на землю не упали, а собрались вместе, образовав блестящий шар, который, вдруг вытянувшись в дугу, запереливался радугой под искусственным солнцем сада.

Чудо-радуга зависла на несколько секунд, словно бы дав ребятам возможность собою полюбоваться, а затем змеей скользнула в Колодец.

– Оп-па! – застыл в эффектной позе на бортике каменной кладки Тень.

Ребята наградили его аплодисментами.

– Фокус удался! – Перед мысленным взором Егора все еще переливалась чудесная радуга. Тень распирало от гордости.

– Можешь одеваться, – небрежно бросил он мальчику.

Егор пощупал одежду. Она оказалась не только сухой, но и теплой, будто ее прогладили утюгом. Он быстро напялил ее на себя.

– Ну вот, – посмотрела на него Зоя. – Наконец-то на человека похож.

– Спасибо за комплимент, – буркнул Егор. – Хочешь сказать, что раньше я походил на гориллу?

– Скорее уж на утопленника, – лукаво проговорила она. – Ох, как же я рада тебя видеть. Расскажи скорей, что с тобой случилось после того, как ты прыгнул в Колодец.

Егор рассказал, стараясь не упускать подробностей. Зоя слушала, разинув рот.

– Значит, твоего отсутствия никто даже и не заметил?

– Вот именно, – подтвердил он. – Моего отсутствия там как бы не было. Поэтому теперь я совершенно не беспокоюсь. Могу пробыть у тебя сколько угодно. А когда тебе надоем, просто нырну обратно во владения Тени.

Тот фыркнул:

– Милый мой, все может оказаться не столь просто.

– Да ну, – отмахнулся Егор. – Проверено ведь. Мин нет. Отработанный маршрут. Для кого Колодец Забвения, а для кого – откровения. Верней, открывания. Портал для перемещения между двумя мирами.

– Нет, – покачала головой Зоя. – Что-то не сходится. У нас ведь тебя долго не было.

– Слушай, какая разница, – перебил Егор. – Я ведь вернулся. А для меня основное – чтобы там меня не хватились. Эх, знать бы тогда, меньше бы мучился. Все думал, мать с ума сходит. А теперь я спокоен: от школы здесь у тебя отдохну. Сил наберусь. Заездили ведь совсем. Пашем, как рабы на галерах.

– Я тоже пашу, – с тоскою проговорила Зоя.

– Похоже, твоя Василиса не подобрела за время моего отсутствия, – хмыкнул Егор.

– Какое там, – вздохнула девочка. – Мне много раз самой хотелось вслед за тобой в Колодец нырнуть. Чтоб Василиса про меня забыла. Она, как Орест поправился, с новой силой за меня взялась. И вообще, в Башне пошли такие строгости...

Неожиданно что-то влетело прямо Егору в лоб. Он, ойкнув, схватился за ушибленное место.

– Знакомые все лица! – цокнуло из кустов орешника. – Сдается мне, вы совершенно потеряли бдительность.

– Белка! – вскочил на ноги Егор. – Как я по тебе соскучился!

В Колодце за спиной мальчика шумно плеснуло, но он даже не обернулся, ибо как раз в этот момент заключил в объятия крупную, размером раза в четыре больше своих обычных сородичей, рыжую белку с огромным пушисто-серым хвостом и карманом на животе, в котором она носила множество всякой всячины.

– Недурно выглядишь, – оглядев его, заключил зверек. – Кажется, даже подросток. А насколько улучшились остальные качества, проверим после на практике.

Егора переполняло счастье.

– Вся команда в сборе, – сказал он. – Включая лягушонка. Только его так теперь вроде и называть не солидно. Он превратился в настоящего крупного Лягуха. Вот, убедитесь сами, – извлек он из-за пазухи розовое существо.

– Квак, – поприветствовало оно Белку и девочку.

– Здоров, – то ли одобрительно, то ли осуждающе покачала головой Белка. – Замки-то теперь, наверное, открывать не сможет. Куда такому орясине в скважины пролезать.

Лягух возмущенно выпучил глаза цвета темного шоколада и заквакал громче прежнего, демонстрируя всем своим видом, что замки он теперь может открывать лучше прежнего.

– Не обижайся. Шучу, – примиряюще проговорила Белка.

– Ой! А Тень куда делся? – Зоя вдруг обнаружила, что бортик Колодца пуст.

– Отчалил по-океански. Незаметненько, – язвительно фыркнула Белка. – Утомился от слишком обширного общества. Он же одиночка, а здесь стало так многолюдно. Сад, можно сказать, народом кишит. Да, кстати, я шла к вам с весьма драматическими известиями. В Башне снова объявлено чрезвычайное положение.

– Я что, снова нарушил своим переходом систему безопасности? – всполошился Егор.

– О нет, – ответила Белка. – Дело обстоит гораздо хуже. В Башне совершено дерзкое нападение партизан. Похищен сам господин трансмагистр Амадеус!

Глава III

Трансмагистр Амадеус! Главный астролог его высокопревосходительства Константина Шестого. Химик, маг и алхимик. Уважаемый ученый, лаборатория которого охранялась от посторонних вторжений грамотой Верховного Правителя. Даже всесильный и всемогущий Орест не осмеливался проникнуть в ее пределы, если того не желал Амадеус. Каким образом мог он пропасть?

Егор и Зоя засыпали Белку вопросами.

– Его что, у всех на глазах похитили? – поинтересовалась девочка.

– Да в том-то и дело, что самого похищения никто не видел, – развел лапками зверек. – Просто обнаружили, что Амадеуса нет. Пропал.

– И сколько времени его уже нет? – спросил Егор.

– Около суток. Последний раз его видели вчера днем, когда он отпирал дверь своей лаборатории.

– Ну, это еще ничего не значит, – возразил мальчик. – Он вполне мог уйти из Башни для проведения очередных своих опытов или испытаний на природе.

– Охрана не зафиксировала выход из Башни, – сообщила Белка.

– Есть другой вариант, – продолжил Егор. – Нацепил трансмагистр для чего-то свою мантию-невидимку, а после увлекся каким-нибудь опытом и позабыл снять. Вот и бродит теперь никем не видимый.

– Вероятность не отрицаю, – признала Белка. – Но она крайне невелика.

– А потом, – подхватила Зоя, – в мантии трансмагистр, конечно, становится невидимым, но отнюдь не глухим.

– Вот именно, – выписала причудливую фигуру хвостом Белка. – А значит, когда по его поводу поднялась паника, услышал бы и объявился. Но ни того ни другого не произошло.

– Он мог чего-нибудь испугаться и намеренно спрятаться, – выдал новую версию Егор.

– Не в характере трансмагистра, – возразила Белка, – хотя...

Выдержав паузу, она обменялась с Егором и Зоей выразительными взглядами. Все трое знали один весьма интересный факт биографии Амадеуса, докопайся до которого Константин Шестой или Орест, несдобровать бы астрологу, химику, магу и алхимику. Даже научный авторитет бы не спас. Но так как Доктора Крабби теперь здесь больше словно никогда не существовало, трансмагистр вроде бы и на этот счет мог быть вполне спокоен. Тайна его вместе с Крабби канула в Лету и поросла травой забвения. Да, вероятно, он сам о ней больше не помнил, если только его опять...

– Все, разумеется, может быть, – снова заговорил зверек, – однако Орест убежден: Амадеуса похитили партизаны с целью давления на Верховного Правителя.

– Они выдвинули какие-то требования? – полюбопытствовал Егор.

– Пока нет, – ответила Белка. – Однако Орест с минуты на минуту ожидает именно такого развития событий.

Зоя пожала плечами:

– Если он прав, их наивность граничит с глупостью. Пусть Амадеус и школьный друг дяди, но ради его спасения он решений своих не изменит.

– Это уж точно, – мрачно покивала Белка. – Твой дядя привязан только к себе самому и к власти.

– Слушайте, а не могло так случиться, что Орест сам его и похитил, – возникло еще одно объяснение происшествия у Егора. – Вдруг ему трансмагистр в очередной раз перешел дорогу, вот маршал безопасности теперь и убивает двух зайцев. И от трансмагистра по-тихому избавился, и руки для очередной борьбы с партизанами развязаны.

– Государственно мыслишь, – то ли с одобрением, то ли с иронией бросила Белка. – Вариантов не счесть. Но факт пока один: Амадеуса нигде нету, а в Башне снова объявлено чрезвычайное положение.

– Прямо рок какой-то, – взъерошил растопыренной пятерней и без того спутанные после купания волосы Егор. – Стоит мне у вас появиться, как сразу чрезвычайное положение.

– Закономерность, однако, – хихикнула Зоя.

– Вопрос, что первично, а что вторично, – медленно произнесла Белка и скороговоркой добавила: – Впрочем, от перемены мест слагаемых результат в данном случае не меняется: обстановка в Башне накалена. И, учитывая твое появление, необходимо отсюда срочно переместиться в Зоину комнату.

– Вспомним старое? – даже обрадовался Егор. – Несите скорее нашу старушку мантию-невидимку, которую мы свистнули у трансмагистра.

Зоя виновато потупилась:

– Мантии больше нет.

– Да ты что! – Егор взвился на ноги. – Амадеус нашел и забрал? Или сама вернула?

– Все проще и потому печальнее, – по-прежнему не решалась встретиться с ним глазами девочка. – Как ты, наверное, еще помнишь, старая мантия Амадеуса была очень грязная и жутко воняла. Вот мне и пришло в голову ее выстирать с душистым мылом. Ну а она... – Зоя вздохнула. – Понимаешь, она растворилась. Целиком. Без остатка.

– Эх, женщины. Ваше стремление все улучшить когда-нибудь вас погубит, – изрек Егор с таким видом, будто прожил не тринадцать лет, а минимум сорок, и половину этого срока его сживала со света злая жена, страдающая патологической страстью к чистоте, порядку и благоустройству. – Ну и что ты теперь мне прикажешь делать? Обрати в Колодец Забвения нырять? Я, знаешь ли, пока не хочу. Намеревался здесь с вами побольше провести времени, раз уж снова переместился. И чем все кончится с Амадеусом, мне тоже интересно.

– А я к тому же не гарантирую результат, – глухо донеслось из недр Колодца.

– Есть у меня идея. – Лицо девочки просветлело, и она, схватив свой рюкзачок, принялась в нем сосредоточенно рыться. – Вот, – вытащила она предмет, похожий на маленький круглый фонарик. – Как раз сегодня собиралась потренироваться, и очень удачно, что он у меня с собой. Для тебя в данном случае ничего лучше и не придумаешь.

– И как, интересно, этот твой фонарь поможет мне незаметно прорваться отсюда в твою комнату? – не понял Егор.

– Ну, если бы речь шла о фонаре, то, конечно бы, он не помог, – торжествовала по поводу собственной находчивости девочка. – Только это не он, а уменьшитель предметов. Между прочим, подарок самого трансмагистра. Вручил мне его после вводной лекции по химии. Видно, надеялся таким способом заинтересовать меня своим предметом. Его личное запатентованное изобретение. В массовое производство оно не пойдет. Орест настоял, чтобы на него наложили гриф «секретно». После окончательной доработки будет взято на вооружение отряда спецвардии.

– Штука, конечно, забавная, – согласился Егор. – Только мне от нее что за польза?

– Большая. – Девочка поднесла поближе к нему предмет цилиндрической формы. – Видишь две кнопки? Одна уменьшает вещи в два раза, другая – в четыре. – Она сорвала с дерева листик. – Смотри!

Из фонарика вырвался бирюзовый луч. Листик уменьшился вдвое.

– Классно! – с восторгом воспринял чудесное превращение мальчик. – Значит, можно уменьшить все что угодно и кого угодно?

– Все что угодно, – да. А вот кого угодно?.. Понимаешь, Егор, насчет живых существ я не знаю. Хотела как раз сегодня выяснить у трансмагистра, но теперь это, сам понимаешь, тухлый номер.

– Так давай инструкцию почитаем, – не усматривал никакой проблемы Егор.

Белка исторгла ехидный смешок:

– Трансмагистр к своим ноу-хау инструкций не раздает. Проверить можно лишь опытным путем.

– И, значит, вы с Зоей меня избрали подопытным кроликом? – осуждающе покосился на нее мальчик.

– Нет, – ответила девочка. – Но если уменьшишься, я смогу пронести тебя к себе в рюкзаке. Никто и не чухнется.

– Положим, – кивнул Егор. – А после как? Увеличитель у тебя есть? Или я навсегда останусь маленьким?

– Увеличитель не нужен, – объяснила она. – Действие луча длится ровно пятнадцать минут, а потом предмет восстанавливает свои прежние размеры.

– Ну что ж, – старательно гнал от себя сомнения Егор. – Как говорится, безумству храбрых поем мы славу. Я готов. А если ситуация выйдет из-под контроля, кидай меня сразу в Колодец.

– Квак! – из-за пазухи у мальчика выглянул розовый лягух.

– Молодец! Ты прав. Сперва опробуем на тебе, – обрадовалась Белка.

– Ну, уж нет! Не хочу я производить на нем эксперименты! – запротестовал было Егор. Лягух, однако, уже стремительно прыгал к Зое. Едва его настиг бирюзовый луч, он мигом уменьшился, превратившись в прежнего крохотного лягушонка.

– Квак! – фальцетом прозвучало из травы.

– Теперь меня, – потребовал Егор.

– А минут пятнадцать выждать не хочешь? Давай сперва убедимся, что он снова вырастет, – порекомендовала Зоя.

– Пожалуй! – счел за лучшее согласиться Егор. – Но я все равно не боюсь.

– Слушай, – внимательно посмотрела на него девочка. – Если ты сможешь уменьшиться не хуже, чем он, – перевела Зоя взгляд на лягушонка, – тебя в таком виде можно вообще на время положить куда хочешь. Например, в шкаф, или в ящик стола, или...

– Да с этой штукой вообще можно много интересного сделать, – в свою очередь воодушевился Егор. – По сравнению с ней мантия-невидимка детский лепет.

И он принялся строить заманчивые планы на будущее. Вот они, например, уменьшают злобную Василису, и Зоя сбегает с уроков. А если изловчиться и уменьшить маршала безопасности...

Увлечшись, они забыли о времени. Лягушонок начал стремительно расти.

– Вот теперь свети на меня, – решительно скомандовал Егор.

Под бирюзовым лучом все вокруг начало стремительно увеличиваться. Во всяком случае, так показалось Егору. Белка стала размером со взрослого кенгуру, а может, даже и больше. Зоя же превратилась в настоящую великаншу.

– Ой, какой миленький Мальчик с пальчик, – хихикнула она. – Тебя можно даже в кукольную кроватку уложить. И в коляску. Замечательная маскировка.

С этими словами она подхватила мини-Егора под мышки, резко подняла в воздух, так что внутри у него екнуло, и опустила в рюкзак.

– Устраивайся с комфортом, сейчас застегну замки.

Егор подтянул колени к подбородку и обхватил их руками. Вроде бы ничего, жить можно. Если, конечно, не очень долго. Новое состояние ему совершенно не нравилось. Ощущал он себя препаршиво, а главное, полностью незащитным.

– Квак!

Лягушонок запрыгнул ему на макушку.

– Чуть тебя не забыли, – спохватилась Зоя.

– Квак! – покосился на нее с осуждением лягушонок.

– Слезай с головы! – прохныкал Егор. – Я теперь маленький. Мне тяжело.

Он поморщился от звука собственного писклявого голоса. Детский сад да и только! Лягух послушно устроился у мальчика на коленках.

– Теперь можешь закрывать! – крикнул Зое Егор. – И советую поторопиться, иначе ведь тоже скоро вырасту.

Свет померк. В рюкзаке сразу стало темно и душно. «Ничего, потерпим, – уговаривал себя мальчик. – Зое хуже. Ей ведь придется меня тащить».

Рюкзак поднялся в воздух. Егору почудилось, что на очень большую высоту.

– Маленький, а тяжелый какой, – донесся до него недовольный голос девочки.

– Уже уходите? – горестно возопил Тень. – Вот. Даже не попрощались. Никому, никому я не нужен, кроме родного Колодца!

– До скорого! – крикнула ему Зоя.

– Навестим тебя при первой возможности, – пискнул из рюкзака Егор.

Белка процесс прощания проигнорировала. Егора пронесли по саду, затем доставили на лестничную площадку, где он почти сразу же услышал хриплый оклик:

– Стой, кто идет?

– Зоя, племянница Верховного Правителя Константина Шестого, – величественно ответила девочка. – Со мной моя Белка.

– Прошу извинить, ваше светлейшество дофина Зоя. Служба. Соблаговолите пройти.

– Проводите меня до моей комнаты, – властно распорядилась она.

– Премного виноват, ваше светлейшество дофина Зоя, но не имею возможности. Я здесь на посту. Без приказа запрещено покидать.

«С ума сошла, – охватила паника Егора. – Зачем тянет время? Принцесса на горошине! Провожатый ей понадобился! А время идет. Того и гляди опять увеличусь. Вот рожа будет тогда у этого гвардейца. Впрочем, нам всем мало не покажется».

– Вот я вам и приказываю! – топнула ногой Зоя. – Извольте сопроводить меня до дверей комнаты. Ослушаетесь – пожалуюсь дяде.

– Ваша воля – закон, дофина. – Голос у гвардейца упал.

Не хотел бы Егор оказаться в его положении. Кого ни послушаешься, все плохо. Но Зоя придумала здорово. Теперь их больше не останавливали. Дофина под охраной гвардейца беспрепятственно прошествовала через все посты. Ей даже не приходилось тратить время на объяснения. Гвардеец сам за несколько метров до очередного поста принимался орать:

– Пропустить дофину с сопровождением!

У двери комнаты девочка милостивым тоном обратилась к своему провожатому:

– Назовите мне ваше имя. Я намерена ходатайствовать о повышении вас в звании.

– Рад служить, ваше светлейшество дофина Зоя, – счастливо гаркнул гвардеец, думая про себя: «Если и в звании не повысят, то хоть не накажут за то, что покинул пост. Сам черт в этой Башне не разберется, чьи приказы важнее. Дофины или же моего полковника? Она, конечно, наследница, но у полковника может быть на сей счет особое мнение».

Ноги Егора угрожающе уперлись в стенки рюкзака. «Расту», – понял он и ткнул Зою в спину. Та, быстренько забежав в комнату, захлопнула дверь перед носом опешившего гвардейца.

– Меня зовут, – в отчаянии прокричал он, – рядовой Гарибальд Морески.

– Я запомню ваше имя, – спешно расстегивая рюкзак, ответила через дверь Зоя. – Быть вам сержантом!

«А чем черт не шутит! – воодушевился рядовой Морески. – Конечно, она совсем еще девчонка. Тринадцать лет всего лишь. Но, может, я ей понравился. Как она ласково мне улыбалась! Да и время ведь быстро летит. Сегодня она дофина, а не успеешь и глазом моргнуть,

ей уже восемнадцать. И заняла она отведенное ей положением место Верховной Правительницы. Тут можно вообще и полковником стать. Надо чаще показываться ей на глаза, чтобы не забывала. Вырастет, будет наверняка прехорошенькая, как мама, ее высокопревосходительство Лидия, упокой Господь ее душу».

Мысли о предстоящем полковничьем чине грели душу Морески, однако до этого еще нужно было дожить. А то выгонят с волчьим билетом или Орест обвинит в государственной измене, и кончится дело тюрьмой, если вообще не смертным приговором. Прощайте тогда полковничьи погоны. И гвардеец, грохоча каблуками начищенных до блеска сапог, помчался обратно на пост, коря себя на ходу за несообразительность. Прояви он вовремя смекалку, запасся бы у дофины записочкой себе в оправдание. С одной стороны, документ. А не требуется, так память. Но чего не сделано, то, как известно, просвистело мимо. Он ускорил шаг.

Егор тем временем с большим трудом выбирался из рюкзака. Мальчика так расперло, что бедный Лягух превратился в кляксу и теперь, жалобно поквакивая, с трудом возвращался в привычную форму.

– Э-э, дружище, в детстве ты гибче был, – с большим интересом наблюдала за его манипуляциями Белка. – Старость не радость, да?

– Это у меня старость не радость, – стряхнул, наконец, рюкзак с ноги Егор. – Даже страшно подумать, как я мог там поместиться.

– Сам дурак, – хмыкнула Зоя. – Я ведь специально туда рядом с тобой положила уменьшитель. Думала, догадаешься воспользоваться.

– То-то мне что-то твердое всю дорогу в бок упиралось, – потер намятое место мальчик. – Хоть бы предупредила. В рюкзаке-то темно. Собственную руку не разглядишь.

– Коллеги не поняли друг друга, – подвела итог Белка и, порывшись в кармане на животе, извлекла лесной орех, который тут же разгрызла и съела.

– Располагайся, – сказала Егору Зоя.

Он окинул взглядом комнату. За время его отсутствия в ней произошли изменения. Розовые обои исчезли, уступив место строгим, серым, в тонкую белую полоску. В тон им теперь было и покрывало на кровати. Диванчик, на котором Егор провел свою первую ночь в Башне, переместился к противоположной стене, а на его место переехала Белкина клетка с домиком. Впрочем, кажется, и сам диванчик был новый – куда более строгий и монументальный. Остальным предметам модификации удалось избежать. У окна по-прежнему находился столик с компьютером. А у двери – огромное зеркало, которое одновременно могло исполнять роль монитора и телевизора.

– У тебя тут ремонт, что ли, сделали?

– Василисина инициатива, – поморщилась Зоя. – Мол, розовый цвет слишком детский. Не располагает он, видите ли, к настрою на серьезную работу.

– А серый, по ее мнению, взрослый? – хмыкнул Егор.

– Тюремный, – свирепо цокнула зубом Белка, скрываясь у себя в домике.

– Уф-ф, а жарыща-то! – Егор запарился еще в рюкзаке.

Теперь наконец можно было избавиться от теплой куртки. Он швырнул ее на кровать. К потолку взметнулся столб пламени. Мальчик заворожено уставился на огненный смерч.

– Очередной прикол Амадеуса?

– Это пожар! – закричала Зоя. – Хватай плед с дивана! Накидываем на кровать! Скорее! Скорее!

Оба действовали молниеносно и совершенно синхронно. Миг – и они уже прыгали по наброшенному на кровать полотнищу плотного пледа. Белка рыжим всполохом метнулась в ванную и тут же вылетела оттуда с кувшином воды. Зоя последовала ее примеру.

– Только не на меня! – взвыл Егор, когда она подскочила к нему с полным до краев тазом.

Ему все-таки удалось спрыгнуть с кровати прежде, чем на нее обрушился поток воды. Пожар был потушен. Зоя в ужасе взирала на мокрое пепелище. Егор крепко держал ее за руку. Белка, запрыгнув на изголовье кровати, сумрачно отчеканила:

– Измена в наших рядах. Покушение на дофину.

– В наших рядах? – с ударением на втором слове переспросил мальчик. – Хочешь сказать, кто-то из нас троих это сделал?

– О нет. Это сделал кто-то из тех, кто имел доступ в комнату, – уточнил зверек. – Ох, ореховая моя голова! В последнее время такая тишь да гладь была, я совсем и расслабилась. Зою стала одну оставлять, без пригляда. С ловушками в комнате надоело возиться. Вот и результат. Выждали они время и нанесли удар.

– Два удара, – поправил ее Егор. – И практически одновременно. Трансмагистра свистнули и покрывало подожгли. Неужто совпадение?

– Белка, но ты же сказала, что трансмагистр уже сутки отсутствует. А кровать я сегодня утром сама застилала, и она не загорелась. Следовательно, покрывало чем-то обработали после того, как я ушла на занятия, – принялась восстанавливать последовательность событий Зоя.

– Возможно, и совпадение, – выдохнула Белка. – Трансмагистра могли похитить одни, а на тебя покушались совсем другие. Но суть-то от этого не меняется. Ты только чудом не пострадала.

– Да-а, – подавленно протянула девочка. – Вместо куртки Егора должна была оказаться я. И если бы Белка в этот момент куда-то ушла, неизвестно, чем кончилось бы.

У нее затряслись губы. Егор силком усадил ее на диванчик.

– Ты пока отдохни, а мы сейчас быстренько приберемся. – Он потянул носом воздух. – Гарью воняет. И противопожарной сигнализации, как я вижу, здесь нету. Иначе бы обязательно среагировала на такое-то пламя. Вон, потолок весь черный.

– Есть сигнализация, – сказала Белка. – Но, видать, кто-то умный сумел ее отключить. А это совсем не простое дело. Ох, нехорошие мысли одолевают меня.

– Куда тряпье обгорелое денем? – хотелось скорей ликвидировать хаос Егору.

– Лучше оставь, – решила по-своему Белка. – Пусть люди Ореста разбираются. А Зою срочно надо отсюда уводить. Только кое-какие вещи с собой прихватим.

Она приволокла из гардеробной большую сумку и заметалась по комнате, хватая то здесь, то там предметы разной величины и различного назначения.

– Зоя, возьми самую необходимую одежду. И уходим.

– Куда? – словно эхо отозвалась девочка. Лицо ее все еще оставалось бледным, а в потрясенном воображении разыгрывалась с навязчивостью оглушительно тикающего метронома одна и та же страшная сцена: кровать, объятая пламенем, и она, Зоя Гайли, в муках уходящая из жизни.

– К няне, только к няне, – решительно произнес верный зверек. – Я больше сейчас никому не могу доверять. Кстати, Зоя, этот гвардеец нам бы опять был совсем не лишним. Как его там? Морески? Егора-то придется уменьшить, а сумку кто понесет? Она получилась тяжелая.

– Сейчас попробуем.

Страхнув усилием воли леденящее кровь видение, девочка поднялась с дивана и, взяв со стола мини-компьютер, набрала номер охраны. На другом конце связи порядком удивились, но обещали дофине, что рядовой Морески прибудет к ней в течение пяти минут.

Зоя и Белка спешно затрамбовали в сумку оставшиеся вещи и... Егора, вооруженного уменьшителем. Ему было строго наказано лежать, молчать и, в случае необходимости, вовремя уменьшаться.

– Сколько раз? – с тревогой спросил он.

– По обстоятельствам, – сурово бросила Белка. – При первой возможности я тебя спрячу. Есть один закуток в няинных апартаментах. Но наберись терпения. Неизвестно, когда я смогу улучшить удобный момент.

– Во всяком случае, няне тебе показываться не надо, – подхватила Зоя. – Время неспокойное. Слишком много вопросов последует.

– Но прошлый раз, тогда, в саду...

Зоя перебила его:

– Она ничего не помнит, как и все остальные, кроме меня, тебя и Белки.

На пути к сумке мальчик случайно поймал свое отражение в зеркале. Ужас! Подлинный ужас. Под действием бирюзового луча он стал не просто маленьким, а каким-то угловато-квадратненьким. И с челюстью как у Щелкунчика.

– Что застыл? Полезай внутрь! Нашел момент на себя любоваться! – рассердилась Белка.

Едва он залег в своем убежище, снаружи послышался вежливый стук.

– Кто там? – на всякий случай поинтересовалась Зоя.

– Рядовой Морески прибыл по приказанию вашего светлейшества, – четко отрапортовали в ответ.

– Очень хорошо, – отомкнула дверь ее светлейшество.

За ней обнаружился не один Морески, а целых три гвардейца в одинаковых пурпурных мундирах с золотыми имперскими лилиями. Двое незнакомых застыли по бокам от двери, а Морески – посередине. При виде дофины они вытянулись во фронт.

– Вообще-то мне нужен был только один из вас, – удивилась она.

– В связи с чрезвычайным положением у вашей комнаты организован дополнительный пост, – отрапортовал один из двух незнакомых гвардейцев.

– Охраняйте, – величественно бросила девочка. – А вы, Морески, можете пройти в комнату.

«Точно, быть мне сержантом», – переступая порог, подумал окрыленный Гарибальд. Тут ноздри его учуяли запах гари, и круглая физиономия изумленно вытянулась.

– Что-то сгорело? – совсем не по-гвардейски спросил он.

– Ах, вы про запах? – Небрежность была разыграна девочкой с мастерством, достойным великой актрисы. – Не обращайтесь внимания. Это новые модные духи. Вы совершенно правы: удушливый аромат. Совершенно не вдохновляет. Ну да берите скорее сумку. Нам пора уходить.

Гвардеец разинул рот (не гвардейское это дело сумки таскать, для этого существует прислуга, но чего не сделаешь во имя будущего!). Покорно исполнив приказ, он крякнул от тяжести поклажи и, не обращая внимания на ехидные взгляды двух сослуживцев, проследовал мимо них по коридору за девочкой и Белкой.

В сумке при каждом его шаге гремело и звенело. «На пикник, видать, собрались, – предположил Гарибальд. – Не ко времени как-то. Из Башни их не выпустят. А в саду они только что были. Но если не на пикник, то куда они так оснастились? Да мне, собственно, без разницы. Главное, дофина меня отметила, запомнила и персонально вызвала, когда помощь потребовалась. Этих двух остолопов, которые у двери стоят, не попросила. Следовательно, мне доверяет. Выделила меня из толпы. А ведь каждый из нас ради нее готов лечь грудью на амбразуру».

Морески уже физически ощущал серебро сержантских погон у себя на плечах. Он размечтался: вот сейчас выйдет из-за угла огромный опасный партизан с гранатометом. Дофина побледнеет, заплачет в предчувствии неминуемой гибели. Тут он, Гарибальд, себя проявит. Один удар саблей, враг повержен! И сама дофина приколется к его мундиру орден Великой Чести. И наверное, скорее всего пожалуют ему прямо звание лейтенанта. Дофина-то одна!

Егор, бултыхаясь в сумку в такт чеканному шагу гвардейца, думал совсем о другом. Убережь бы бока от синяков. Что умудрилась Белка напихать в сумку? С одной стороны колется, с другой острые углы выпирают. Ноги в чем-то мягком запутались. И духотища такая. Даже

Лягух вспотел. И пыхтит. А Егору и без него жарко. И кажется, ноги снова начали удлиняться. Тесновато становится. Он принялся шарить в поисках уменьшителя. Куда он девался? Мальчика охватила паника. Дотянуть бы до лифта. Хотя если он там начнет вылезать из сумки, как подошедшее тесто, тоже не очень славно получится. Морески вообще с катушек слетит.

Ох, нашел! Мальчик спешно направил на себя луч и сильно уменьшился. Ему даже показалось, что гораздо значительнее, чем в прошлый раз. Они наконец-то вошли в лифт. Кабина взмыла вверх, и наступила полная тишина. Даже Лягух перестал пыхтеть.

Егор забеспокоился. Зоя с Белкой вообще вошли? Что они как воды в рот набрали? Хоть словом могли перекинуться? Тогда он, по крайней мере, имел бы хоть какое-то представление об окружающей обстановке.

Лифт остановился. Все в прежнем молчании вышли. Странно. Мальчик попытался приоткрыть молнию. Она не поддавалась. Егор дернул сильнее. Молния разъехалась до самого конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.